

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2019.2.11

**ТАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО
ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ
ЮГА РОССИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ФРУСТРАЦИИ**

**THE TACTICS OF SOCIAL
BEHAVIOR OF YOUNG
PEOPLE IN THE SOUTH
OF RUSSIA IN THE POLITICAL
SPHERE IN TERMS
OF SOCIO-POLITICAL
FRUSTRATION**

Громакова Виктория Георгиевна

Кандидат биологических наук,
доцент, доцент,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
E-mail: victoriagromakova@yandex.ru

Victoria G. Gromakova

Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor,
Southern Federal
University,
Rostov-on-Don, Russia,
E-mail: victoriagromakova@yandex.ru

Шевченко Ольга Николаевна

Кандидат филологических наук,
доцент, доцент,
Ростовский государственный
медицинский университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
E-mail: rex686@mail.ru

Olga N. Shevchenko

Candidate of Philological
Sciences,
Associate Professor,
Rostov State Medical University,
Rostov-on-Don, Russia,
E-mail: rex686@mail.ru

Узенцова Елена Александровна

Кандидат филологических наук, доцент,
Технологический институт
(филиал Донского государственного
технологического университета),
г. Азов, Россия,
E-mail: twinslena@yandex.ru

Elena A. Usencova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Institute of Technology (branch of Don
State Technical University),
Azov, Russia,
E-mail: twinslena@yandex.ru

В статье описываются результаты пилотажного исследования тактик социального поведения южнороссийской молодежи в ситуации неудовлетворенности действиями государственной власти. Выбор проблемы обусловлен падением рейтингов президента и правительства, что указывает на рост социального недовольства и гипотетически может привести к социально-политической дестабилизации. Мировоззренческие позиции и поведенческие готовности молодежи как наиболее политически активной части общества имеют большое значение для развития ситуации.

В ходе исследования методом социологического опроса было обнаружено несколько тенденций, воспроизводящих результаты других исследований: среди молодых россиян отмечаются высокий уровень социально-экономической и социально-политической фрустрации, склонность видеть в президенте страны сверхчеловека, персонификация народного недовольства действиями государственного аппарата, ожидание финансовой поддержки со стороны государства и возложение на правительство всей ответственности за недостойный уровень экономического развития. Наряду с этим был выявлен ряд аспектов тактик социального поведения респондентов в политической сфере, которые в силу нерепрезентативности выборки не могут быть экстраполированы на генеральную совокупность, но могут послужить основой для постановки задач следующих исследований в данной области. К ним относятся легковёрность в вопросах критики государственной власти; скептическое отношение к гипотезам иностранного вмешательства; высокая доля готовых присоединиться к протесту и предпочтению тактики избегания другими респондентами; высокая степень осознания полезности легальных способов борьбы за собственные права и низкой готовности к реализации соответствующих социальных практик.

Ключевые слова: социально-политическая фрустрация; социальное поведение; тактики социального поведения; социально-политические представления; готовность действовать.

The article describes the results of a pilot study of the tactics of social behavior of South Russian youth in a situation of dissatisfaction with the actions of the government. The choice of the problem is due to the fall in the ratings of the President and the government, which indicates an increase in social discontent and hypothetically can lead to socio-political destabilization. Ideological positions and behavioral readiness of young people as the most politically active part of society are of great importance for the development of the situation.

In the course of the study, the method of sociological survey revealed several trends that reproduce the results of other studies: among young Russians there is a high level of socio-economic and socio-political frustration, the tendency to see the President of the country as a Superman, the personification of popular discontent with the actions of the state apparatus, the expectation of financial support from the state and the imposition on the government of all responsibility for the unworthy level of economic development. At the same time, a number of aspects of respondents' social behavior tactics in the political sphere were identified, which due to the unrepresentative nature of the sample can not be extrapolated to the General population, but can serve as a basis for setting the objectives of the following research in this area. These include: gullibility in matters of criticism of public authority; skepticism about the hypotheses of foreign interference; high percentage are willing to join the protest and preference avoidance tactics of the other respondents; a high degree of awareness of the usefulness of legal ways to fight for their own rights and low willingness to implement relevant social practices.

Keywords: social and political frustration; social behavior; tactics of social behavior; social and political attitudes; willingness to act.

Введение

Политическая сфера жизни российского общества практически всегда отличалась противоречивостью. Так, для россиян характерно одновременно возлагать на государство надежды в плане собственного жизнеустройства и при этом не доверять властям; крайне негативное отношение к фактам (реальным или вымышленным) несоблюдения законов представителями правительства и правовой нигилизм. Вследствие указанных противоречий в российском обществе традиционно имеется немалое количество людей, недовольных политической системой. На этом фоне период времени с начала 2000-х и до 2018 г. характеризовался относительно благоприятным восприятием государственной власти населением страны. Но в июне 2018 г. после введения пенсионной реформы произошло беспрецедентное падение рейтингов президента и правительства. Недовольство действиями президента и правительства чревато социальными протестами, которые нередко переходят в деструктивные формы. По этой причине актуальным будет исследование стратегий социального поведения современных россиян в ситуации социально-политической фрустрации.

Согласно современным представлениям, социальное поведение – это реакции человека на социальную ситуацию в виде определенных социальных действий (Лубский, 2016. С. 12). Под тактиками социального поведения в рамках данной статьи мы будем понимать прежде всего устойчивые интенции и готовности социальных субъектов к определенным формам реагирования на социальную ситуацию. Подобное сужение понятия тактики в исследовании мы допускаем, исходя из представлений о том, что в основе социального действия лежит его осмысление (Ritzer, 2009; Skinner, 1953, 1981), в силу чего субъект всегда знает, что он собирается делать и по какой причине. Знания могут быть рациональными и иррациональными (Downs, 1957; Arrow, 1963; North, 1990), они не всегда объективно отражают реальные истоки мотивации, но всегда могут быть артикулированы (Fromm, 1992). Причем в речи социального субъекта проявляются не только рефлекслируемые установки, но и нерелфлекслируемые (Хьел, 2001). В совокупности же представления и установки определяют поведение человека в конкретной ситуации (Hofstede, 2011; Bourdieu, 1980).

В работах, направленных на изучение социального поведения россиян в политической сфере, подчеркивается центральная роль государства в организации российского общества и отмечается, что взаимодействия человека и государства в российской социальной реально-

сти строятся на принципах этатизма и патернализма. Исследователи (Андреев, 2001; Кара-Мурза, 2009; Лубский, 2013, 2016, 2017; Шубарт, 2000; Яременко, 2008) выделяют ряд типичных отличительных черт представителя российского общества. Комплексы таких типичных черт россиян, определяющих специфику социального поведения, объединяются в следующие концепты: «человек политический», «человек авторитарный», «человек иоанновский».

«Человек политический» как концепт объединяет стремления переносить любые проблемы в область политики (Ильин, 1995), готовность подчиняться государству и ожидание взамен государственной опеки и защиты, а также склонность к насильственному свержению власти, если существующий строй не оправдывает патерналистских ожиданий. Также к признакам «человека политического» относят высокую способность к интенсивному непродолжительному труду и неприспособленность трудиться размеренно и постоянно. Признаки «человека авторитарного» – это привычка выстраивать отношения по схеме подавление нижестоящих – подчинение вышестоящим, ригоризм и специфическое понимание свободы как вседозволенности. Комплекс «иоанновского человека» обобщает специфические признаки мышления и деятельности: иррациональность, образность мышления, созерцательность, неуверенность, нерешительность, отсутствие склонности к анализу и планированию, привычка полагаться на авось, импульсивность. Также для «иоанновского человека» характерны ориентация на коллективную деятельность для общего блага, стремление к правде, готовность к милосердию, взаимопомощи, терпимость.

В ряде исследований отмечаются изменения в ценностно-нормативной системе россиян в направлении от коллективистского типа к индивидуалистскому, что выражается в росте ценностей самоутверждения и успеха, замещающих ориентацию на интересы группы, сотрудничество и взаимопомощь. По результатам некоторых исследований сделаны выводы о том, что «за последние четверть века российское общество пережило глубокую и всеобъемлющую трансформацию: утвердились рыночные отношения, сложились новые социально-политическая система, демократические институты, социальная структура, новые виды деятельности, жизненные стратегии и поведенческие практики» (Горшков, 2016). Другие исследователи считают, что для большинства россиян по-прежнему характерно возлагать ответственность за собственное благополучие на государство (Лубский, 2016. С. 149). Отмечается низкий уровень социальной активности в сфере самоуправления (Тощенко, 1997, 2006).

В других исследованиях высказывается предположение о «неоконсервативной революции» в российском обществе, связанной с возрождением исторических культурных российских ценностей (Федулов, 2014).

Таким образом, исследования особенностей социального поведения россиян, выполненные в один период времени, дали во многом противоречивые результаты и, соответственно, не могут восприниматься как однозначные, с одной стороны, с другой – остается открытым вопрос о том, какой может быть реакция современного российского общества на политическую дестабилизацию в стране, если таковая возникнет. Тем более это актуально в отношении исследования поведения молодежи как наиболее политически активной части общества.

Соответственно, **цель исследования** – выявление представлений и схем рассуждения российской молодежи (на материалах Юга России) по политическим вопросам и типичных поведенческих готовностей в условиях социально-политической фрустрации.

В направлении изучения поставленного вопроса было проведено пилотажное исследование представлений молодых людей о социально-политической ситуации в стране и их отношения к легальным и экстремальным формам социально-политической борьбы.

Исследование проводилось в феврале-марте 2019 г. методом социологического опроса, который состоял из двух частей. В первой части опроса приняли участие студенты Ростовского государственного медицинского университета ($n = 67$). Возраст опрошенных находился в диапазоне 18–19 лет.

В ходе опроса студентов медуниверситета было задано шесть открытых вопросов, ответы на которые в дальнейшем анализировались методом контент-анализа. Вопросы были направлены на выявление отношения студенческой молодежи к массовым выступлениям с целью смены власти в стране. В качестве объекта, предлагаемого респондентам для рассмотрения, были выбраны события 2019 г. в Венесуэле и их проекция на текущую ситуацию в России. Открытая форма вопросов была выбрана для того, чтобы не ограничивать ожидаемые результаты субъективным видением авторов настоящей статьи.

Вторая часть опроса проводилась одновременно, но независимо от первой в Интернете. Интернет-опрос был направлен на выявление специфики представлений российских социальных субъектов о положении дел в стране и о путях улучшения ситуации. В опросе приняли участие преимущественно жители Южного федерального округа. Опрос проводился среди совершеннолетних респондентов всех возрастов,

однако в данной статье будут рассмотрены только ответы молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет ($n = 40$).

Описание результатов

По результатам обработки анкет выяснилось, что 69 % опрошенных молодых людей знали о событиях в Венесуэле, что говорит об их небезразличии к политической сфере жизни. Тем, кто ответил отрицательно, было предложено ознакомиться с информацией по поводу венесуэльского кризиса в удобных для них источниках для того, чтобы иметь возможность отвечать на следующие вопросы анкеты. Вполне ожидаемым стало обращение студентов для восполнения дефицита информации в Интернет. Никаких рекомендаций по поводу выбора сайтов, с которых должна быть получена информация, им не давалось. Таким образом, можно полагать, что респонденты осуществляли поиск источников информации в этом случае так же, как если бы их желание разобраться в каком-либо политическом вопросе было спонтанным, а не индуцированным.

Ответы на следующий вопрос распределились следующим образом: наиболее распространенным оказалось определение событий в Венесуэле как «государственный переворот» (24 %) или «политический кризис» (24%). Близкими по смыслу к вышеуказанным стали варианты ответов: «противостояние власти и оппозиции» (9 %), «два президента» (4,5 %), «двоевластие» (3 %), «бунт» (1,5 %). Иной акцент несет такой вариант ответа, как «вмешательство иностранного государства» (9 %) и «крах цивилизации» (1,5 %). Остальные респонденты затруднились дать название венесуэльским событиям.

По поводу того, в каких еще странах, по мнению респондентов, за последние 50 лет происходили подобные события, ответы отличались значительным разнообразием. Но наиболее часто встречались следующие ответы: «Украина» – 40 %, «Россия» – 24, «Грузия» – 22, «Куба» – 18, «Чили» – 9, «Сирия» – 9, «Ливия» – 7,5, «Ирак» и «США» – по 6 %. Как ни удивительно, но ни один опрошенный студент не сказал, что не знает о подобных событиях в других странах, и свои версии высказали даже те, кто затруднился найти название происходящему.

На вопрос о возможных причинах происходящего в Венесуэле кризиса наиболее распространенным стал ответ: «Народ недоволен правительством» – 25 %. Близкими по смыслу к первому варианту были ответы: «безответственное правительство» – 15 %; «отстраненность Мадуро от народа» – 7,5, а также «стремление к порядку», «недовольство результатами выборов», «несоблюдение законов», «коррупция»,

суммарно составившие 10,5 %. Другую часть ответов объединяет общий смысл – низкий уровень жизни («голод», «нищета», «инфляция») – 13 %. Некоторые респонденты указали, что современная ситуация – это следствие правления Уго Чавеса (7,5 %). Остальные указали на вмешательство другого государства во внутренние процессы в Венесуэле – 24 % (из них в 13 % анкет указывалось конкретное государство – США). Иная точка зрения просматривается в таких вариантах ответов, как «жажда власти» – 3 %, «недовольство оппозиции результатами выборов» – 1,5 и «остановка общества в развитии» – 1,5 %.

По поводу наиболее вероятного сценария дальнейшего развития венесуэльских событий ответы могут быть сгруппированы по смыслу в несколько блоков. Первый блок можно охарактеризовать как завершение кризиса в пользу оппозиции: без явно выраженного оценочного отношения («госпереворот», «смена власти», «новый президент») – 24 % или с явной симпатией протестующим («народ своего добьется», «будет честное правительство», «Мадуро сбежит или посадят») – 6 %.

Второй блок представляет собой негативные прогнозы: без явного указания на превосходство одной из сторон («нарастание конфликта», «военные действия», «гражданская война», «катастрофа», «гибель людей», «убийство одного из “президентов”», «будут перемены, не факт, что к лучшему») – 22 %; с указанием на победу оппозиции («конец правительству и, возможно, Венесуэле», «убийство Мадуро») – 4,5; с указанием на сохранение у власти правительства Мадуро («власть подавит протесты») – 6 %.

Третий блок ответов связывает исход кризиса с вмешательством других стран («вмешательство США» – 7,5 %, «вмешательство других стран» – 9, «США успокоятся» – 1,5, «Россия поддержит» – 1,5 %), при этом не указывается на благоприятность или неблагоприятность последствий для народа.

Четвертый блок ответов можно охарактеризовать как сдержанно позитивные прогнозы: без указания на победу одной из сторон конфликта («компромисс», «когда-нибудь наладится») – 16 % или с указанием на сохранение законно избранной власти («власть сохранится по воле народа») – 4,5 %.

Относительно вероятности развития событий по такому же сценарию в России мнения разделились почти поровну: «да» – 43 %, «нет» – 45, остальные не пожелали отвечать на этот вопрос. Не все респонденты пояснили свою точку зрения, а по тем пояснениям, которые имели место, получается следующее.

Респонденты, которые посчитали, что в России развитие событий, сходных с венесуэльскими, в обозримой перспективе возможно, связывали это преимущественно с народным недовольством («народ недоволен», «наплевательское отношение правительства к народу», «вкладывают ресурсы только во внешнюю политику», «народ не доверяет правительству», «несправедливые выборы», «бездействие правительства на фоне кризиса», «если не будут решаться проблемы», «если не будут договариваться») – 27 % из общего числа респондентов (62 % из ответивших «да»). Была также небольшая доля анкет, в которых вероятность массовых протестных выступлений связывается с наличием готовых к этому людей («молодежь выдвинет своего лидера», «есть сильная оппозиция», «как только появится хороший оратор») – 4,5 %. Несколько респондентов аргументировали свой ответ историческим прошлым: «такое уже было в нашей стране» – 6 %. Один из студентов объяснил риск развития кризиса наличием «больших ресурсов, на которые всегда найдутся желающие».

В группе респондентов, уверенных в невозможности в недалеком будущем массовых беспорядков в России, аргументы были связаны:

– с качеством власти (преимущественно в позитивном смысле – «сильная и надежная власть», «хорошо работают ФСБ и органы контроля», «стабильная власть»; единично в негативном – «власть, если что, уступит», «власть подавит протест») – 27 % из общего числа (60 % из группы ответивших «нет»);

– качеством жизни в стране и положением в мире («нормально живем», «у власти есть поддержка народа», «нас боятся») – 9 % (30 % отрицательных ответов на вопрос);

– национальными особенностями, которые преимущественно представлялись негативно («менталитет такой», «народ слаб», «народ все хавает», «народ боится», «много взяточничества») – 6 %.

На вопрос об эмоциях, которые предположительно возникли бы у респондента в случае политической дестабилизации, ответа во многих анкетах не было. Среди имеющихся ответов преобладали указания на негативные чувства: «страх» – 16 %, «недовольство» – 7,5, «переживание» – 7,5, «грусть» и «разочарование во власти» – по 3, «смятение» – 1,5 %. Равнодушие выражали такие варианты ответов, как «ничего» – 4,5 % и «дежавю» – 1,5. Только один респондент предполагает, что он бы почувствовал гордость за народ.

По поводу того, какие действия предпринял бы респондент в случае массовых беспорядков в стране, большинство ответов указывали на отстраненность («не принял(а) бы участие», «наблюдал(а)»),

«жить дальше») – 21 %; реакцию избегания («уехать из страны», «спасаться») – 13; активное участие в событиях на стороне протестующих («примкну к восставшим», «поддержу, если будут реальные деятели») – 9, на стороне сторонников сохранения порядка («присоединюсь к консерваторам», «буду призывать к переговорам, голосованию») – 9, без указания стороны – 3 %. Некоторые респонденты (10,5 %) указали, что не знают, как бы повели себя в подобной ситуации. В большом количестве анкет ответы на данный вопрос отсутствовали.

Наконец, относительно возможных последствий политической дестабилизации по образцу венесуэльских событий в России были высказаны мнения только в 36 % анкет. Те ответы, что были получены, в основном указывали на то, что респонденты не ждут от массовых протестных выступлений ничего хорошего. Так, наиболее частыми были ответы, указывающие на «разрушение государства» и «раздел между другими странами» – 33 %. Также были прогнозы ухудшения жизни людей («падение уровня жизни», «нелегкие времена», «гражданская война», «гибель людей») – 25 %. Менее негативные ожидания связывались с изменениями во власти («власть одумается», «смена власти», «новые лидеры», «необходимая мера, хоть и вредная») – 29 %. Наименее распространенный вариант ответов касался восстановления прежней ситуации («подавление протеста») – 4 %.

Вопросы интернет-опросника могут быть условно разделены на три блока:

- 1) выявляющие уровень социально-политической и социально-экономической фрустрации;
- 2) устанавливающие представления респондентов о необходимых для улучшения ситуации мерах со стороны правительства;
- 3) выявляющие представления о типичных реакциях на фрустрирующие сообщения, а также о необходимых для улучшения ситуации и возможных действиях со стороны общества и степени готовности респондентов к их осуществлению.

К первому блоку относились вопросы-шкалы относительно субъективной оценки респондентами собственного экономического, эмоционального состояния и жизненных перспектив. На данные вопросы были получены следующие ответы: по шкале от 0 (крайнее неблагоприятное состояние) до 5 (крайнее благоприятное состояние) респонденты оценивали свое экономическое благосостояние в среднем на 2,55 балла, эмоциональное состояние – на 3,125 балла и жизненные перспективы – на 3,225 балла. Таким образом, наиболее фрустрированной предстает экономическая сфера жизни.

Следующий вопрос выяснял мнения респондентов по поводу причин ухудшения экономического благосостояния людей в России. Ответы показали, что экономические проблемы в стране респонденты связывали преимущественно с внутренними факторами, причем все эти факторы объединяет обусловленность действиями (или бездействием) правительства: «присвоение олигархами ресурсов страны» – 72,5 %; «распределение государственных должностей между “друзьями” В.В. Путина» – 62,5; «неправильная экономическая политика» – 55 %.

На вопрос о том, чьи интересы выражает и защищает сегодня Российское государство, наиболее часто встречался ответ: «государственной бюрократии» – 50 %. Далее шли: «богатых» – 35 %; «всех граждан страны» – 7,5 и «средних слоев» – 5 %. При этом, выбирая ответ на вопрос о том, как бы респондент определил сложившуюся в стране ситуацию, подавляющее большинство опрошенных (85 %) указали: «Политическая ситуация нестабильна, и Правительство РФ недооценивает масштабы недовольства народа».

Однако на вопрос об осведомленности президента насчет недовольства граждан характер ответов оказался принципиально иным. Так, наиболее распространенным стал ответ: «Я думаю, что В.В. Путин прекрасно обо всем осведомлен, но уверен в неготовности граждан к открытым протестам» – 55 %. На втором месте по количеству выборов был вариант ответа: «Я думаю, что В.В. Путин осведомлен, но считает, что в скором времени народ увидит и оценит полезность принятых реформ» – 30 %. Следующим по популярности оказался вариант: «Я думаю, что В.В. Путин осведомлен и готов к открытым протестам» – 10 %. И только 5 % опрошенных выбрали вариант: «Я думаю, что В.В. Путин не осведомлен о реальном недовольстве граждан и ему специально не докладывают о реальном положении в стране».

Таким образом, результаты опроса показывают, что недовольство состоянием экономической сферы жизни тесно сопряжено с неодобрением действий правительства и президента, что позволяет говорить о наличии политической фрустрации. Но надо отметить, что негативные оценки экономической и политической ситуации в стране не мешали молодым респондентам видеть в благоприятном свете собственные жизненные перспективы, как это показали вопросы-шкалы.

По второму блоку вопросов интерес представляют следующие результаты. Относительно необходимых для изменения ситуации в стране к лучшему действий правительства респонденты выразили следующие мнения:

- увеличение прожиточного минимума – 65 %;

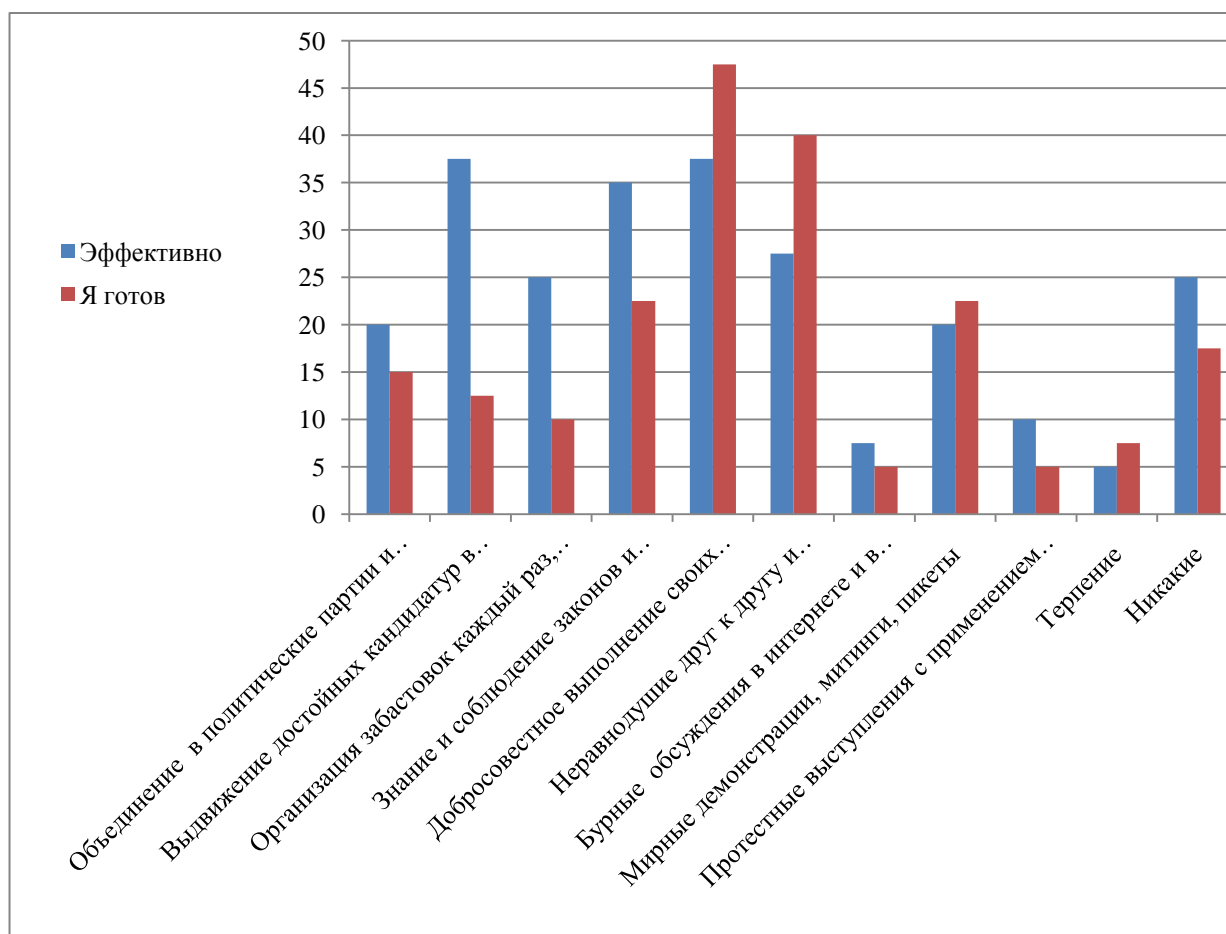
- жесткие профилактические меры и наказание за взятки – 52,5 %;
- снижение налогового бремени – 45 %;
- усиление контроля над соблюдением законов РФ – 45 %;
- снижение пенсионного возраста – 45 %;
- снижение конфронтации с Западом – 37,5 %;
- снятие с должности премьер-министра Д.А. Медведева – 32,5 %;
- снижение кредитных ставок для предпринимателей – 22,5 %;
- снятие с должности А.Б. Чубайса – 15 %.

Соответственно, можно отметить, что люди ждут от правительства вполне конкретных шагов, частично связанных с прямыми мерами по финансовой поддержке граждан, частично – с контролем над соблюдением законности и правопорядка, и для некоторых респондентов важными оказались вопросы персональных кадровых решений в правительстве.

Для выяснения типичных реакций молодых людей на фрустрирующие сообщения был задан вопрос: «Что Вы чувствуете, когда слышите от кого-либо утверждение, что Правительство РФ во главе с В.В. Путиным предпринимает действия, которые противоречат интересам граждан России?» Среди ответов на данный вопрос преобладающим был: «Я чувствую негодование и бессилие» – 25 %; потом «У меня возникает желание принять участие в протестах» – 22,5; «У меня возникает желание проверить эту информацию» – 20; «Я думаю, что это агитация западников (врагов народа), настроенных на развал страны» – 20; «Я чувствую в себе готовность организовать протест» – 7,5 %, посчитали такую информацию не стоящей внимания 2,5 %, столько же не дали ответа на данный вопрос.

Следующий вопрос касался отношения респондентов к последствиям гипотетической смены власти насильственным путем: «К каким последствиям, по Вашему мнению, привела бы революция в России, если бы она произошла в текущем году?» Характер ответов был следующим: «ухудшение жизни граждан» – 40 %; «не знаю, но интересно посмотреть» – 35; «улучшение жизни граждан» – 17,5; «не знаю и не хочу, чтобы подобное случилось» – 5 %, оставили данный вопрос без ответа 2,5 % респондентов.

Последний вопрос был представлен в табличной форме. Он был направлен на выяснение мнений респондентов насчет того, какие действия со стороны общества способны изменить ситуацию к лучшему и к каким из них готовы они лично. Результаты представлены на рисунке.

Мнения респондентов об эффективности мер по улучшению ситуации в стране и об их личной готовности к осуществлению соответствующих действий

На рисунке видно, что наиболее действенными мерами, которые могут быть предприняты обществом для оптимизации социально-политической ситуации в стране, являются выдвижение достойных кандидатур в органы власти, добросовестное выполнение своих профессиональных обязанностей, знание законов и отстаивание своих прав, если они нарушены, в суде. Однако заниматься выдвижением достойных кандидатур в органы власти и отстаивать свои права в суде готовы значительно меньше респондентов, чем признает эти меры эффективными. То же самое можно сказать и по поводу организации забастовок. Зато неравнодушно относиться друг к другу и добросовестно выполнять свои профессиональные обязанности готовы даже некоторые из тех молодых людей, кто полагает, что от таких поступков ситуация не изменится. Примечателен также вариант «никакие», который был выбран четвертью респондентов, но при этом готовы ничего не делать только 17,5 %. Обнадеживает то, что протесты с примени-

ем насилия признали эффективными для улучшения жизни в стране только 10 % опрошенных, а считают себя готовыми к подобным действиям только 5 %.

Обсуждение полученных результатов

Характер полученных в ходе исследования результатов позволяет говорить о том, что большая часть молодежи интересуется вопросами политики. Однако их знания поверхностны, о чем можно судить по затруднению в определении названия ситуации в Венесуэле и по ответам на вопрос о подобных венесуэльским событиях в других странах.

Причины возникновения массовых протестов большая часть опрошенных связывают с народным недовольством и укладываются в схему «народ зря протестовать не будет», и только четверть респондентов полагали, что причина венесуэльского кризиса – вмешательство другого государства или манипуляций со стороны собственной политической элиты. И это несмотря на активное утверждение данной точки зрения в российских СМИ. Такой результат приводит к постановке вопроса о возможных объяснениях наблюдаемого противоречия мнений молодежи и СМИ. Является ли принятие противоположной точки зрения автоматическим следствием недоверия молодых людей телевидению или это проявление мировоззренческого стереотипа? Предполагать, что высказанные респондентами мнения являются результатом самостоятельного поиска и глубокого всестороннего анализа информации о рассматриваемых событиях, не приходится в силу поверхностности представлений.

Несмотря на увязывание причин политического кризиса в Венесуэле со стремлением народа к изменению своей жизни к лучшему, большая часть опрошенных российских студентов не давали позитивных прогнозов развития рассматриваемой ситуации. Считали, что в результате происходящих событий венесуэльцы получат лучших президента и правительство, только 6 % опрошенных. Таким образом, есть основания полагать, что респонденты не относят государственный переворот к эффективным инструментам для улучшения жизни людей. Это указывает на отклонение от такого признака «человека политического», как склонность к смене неудобной власти насильственным путем. Но говорить об этом отклонении мы можем только на уровне обследованной выборки.

На фоне интерпретаций венесуэльских событий ответы респондентов на вопросы по поводу российской реальности смотрятся непротиворечиво, но тем не менее раскрывают некоторые нюансы полити-

ческого мировоззрения молодежи. Так, если возможность массовых протестов с целью смены государственной власти большая часть опрошенных связывали с народным недовольством, то отрицание таковой в ближайшей перспективе связывалось не с удовлетворенностью общества (такой аргумент присутствовал только в трети анкет), а преимущественно с сильной властью, с хорошей работой органов государственной безопасности (60 % аргументов).

Конечно, в силу зондажного характера данного исследования выявленная закономерность нуждается в перепроверке. Но сам факт заслуживает внимания, так как, с одной стороны, согласуется с результатами других исследований, установивших преобладание патерналистских установок в отношениях общества и государства, пассивности россиян в вопросах государственного регулирования. С другой стороны, если данная закономерность как еще один аспект проявления «иоанновского человека» подтвердится в масштабах генеральной совокупности, то это будет означать, что общество, даже не желая государственного переворота, в ситуации возникновения подобной угрозы ничего не станет предпринимать для его предотвращения, полагаясь и в этом вопросе только на власть.

Если в отношении всего российского общества результаты данного пилотажного исследования ничего не позволяют утверждать, а как максимум дают повод выдвигать гипотезы, то в масштабах выборки выводы по одному вопросу подтверждаются характером ответов на другой. Так, при всем том, что при попытке представить ситуацию с массовыми беспорядками на политической почве в России, большая часть респондентов говорили об отрицательных эмоциях и переживаниях, выражали готовность действовать только 20 % (примерно поровну на стороне оппозиции и правительства), подавляющее большинство указывало на то, что постарается максимально устраниваться от происходящего.

Наблюдаемая в ходе интернет-опроса склонность переносить переживания экономической фрустрации в область политики лежит в рамках стандартных характеристик среднестатистического россиянина как «человека политического». Интересным является расхождение мнений по поводу осведомленности власти о народном недовольстве. Так, правительство, по мнению большинства (85 %) наших респондентов, «недооценивает масштабы недовольства», а В.В. Путин «обо всем осведомлен» – 95 %. Складывается впечатление, что в представлениях-верованиях многих наших респондентов президент страны, несмотря на снижение симпатии, выглядит как некий сверхчеловек, который

знает то, чего другие в его окружении не знают. Это свидетельствует о явной иррациональности. Также ответы на данный вопрос говорят об отсутствии у респондентов готовности оправдывать ошибочные, по их мнению, действия национального лидера его низкой осведомленностью с вытекающими рисками снижения доверия. О снижении доверия и симпатий к президенту говорят выраженные респондентами (55 %) готовность верить сообщениям о его действиях «не в интересах граждан России» и высокий уровень протестных настроений по этому поводу (30 %).

Тревогу вызывают ответы о вероятных последствиях революции в России, если бы она произошла в ближайшее время. Так, 17,5 % респондентов считают, что это приведет к улучшению жизни, а трети опрошенных на революцию интересно посмотреть. Если бы эти тенденции имели место и на социетальном уровне, то социально-политическая ситуация могла характеризоваться как взрывоопасная. Расхождение по данному аспекту результатов анкетного и интернет-опроса может быть следствием как высоких уровней ошибок малых выборок, так и того, что, отвечая в Интернете, респонденты более откровенны, чем заполняя своей рукой анкету. В любом случае данный результат ставит задачу по перепроверке наблюдаемых тенденций.

Характер ответов на вопрос о желаемых мерах со стороны правительства подтверждают известные особенности социальных субъектов российского общества: патернализм (желание повышения прожиточного минимума наряду со снижением налогов и пенсионного возраста), чувствительность к фактам нарушения закона чиновниками (наказание за взятки) и персонификацию проблем (снятие с должностей некоторых членов правительства). При этом есть признаки модернизации сознания (высокий рейтинг позиции, связанной с требованием усиления контроля над соблюдением законов), хотя эта тенденция даже на уровне выборки говорит только о декларируемой позиции, но не о поведенческой готовности.

О низком уровне поведенческой готовности респондентов к отстаиванию своих законных прав в судах, равно как и к другим формам легальной политической активности, свидетельствуют ответы на вопрос о необходимых мерах по улучшению ситуации в стране. Но то, что респонденты осознают разрыв между необходимостью и собственными действиями, дает повод для оптимизма. Поскольку тактики и стратегии политического поведения определяются восприятием сферы политической (Дегтярев, 2013), то, когда есть осознание, может сформироваться готовность.

Проявление в ответах на данных вопрос согласия по традиционным для российского общества аттитюдам добросовестности и взаимовыручки также, на наш взгляд, является позитивным фактом. Как пишет Ж. Рансьер, выраженный не на словах, а в поведенческих практиках консенсус превращает население, «разложенное и вновь составленное на свои группы, служащие носителями конкретных интересов или конкретной идентичности», в единый социально-политический субъект, обозначаемый термином «народ» (Рансьер, 2006).

Заключение

Таким образом, в ходе проведенного пилотажного исследования были выявлены элементы тактик социального поведения респондентов в условиях социально-политической фрустрации, которые представляют интерес в качестве основы для постановки задач полноценного социологического исследования. Речь идет о следующих тенденциях:

– значительная часть респондентов с легкостью принимают на веру сообщения об антинародных действиях правительства и не рассматривают возможности намеренного искажения информации;

– большая часть опрошенных молодых людей не склонны связывать социально-политическую дестабилизацию в какой-либо стране с вмешательством иностранного государства;

– около половины респондентов допускают вероятность попыток государственного переворота в России. При этом многие дают адекватную оценку таким процессам, связывая их с человеческими жертвами и ухудшением жизни, но немало и тех, кто выражает готовность принять участие в протестах и кому «интересно посмотреть на революцию» в России;

– респонденты, не желающие насильственной смены власти в стране, в большинстве своем при возникновении подобных событий предпочтут сохранять нейтралитет или уехать;

– вероятность сохранения порядка в России респонденты связывают не с удовлетворенностью народа, а с сильной властью и качественной работой органов государственной безопасности;

– уровень осознания респондентами важности и полезности социальных практик, связанных с отстаиванием собственных интересов легальными способами, существенно выше, чем уровень соответствующей готовности. При этом опрошенные молодые люди рефлексируют данное противоречие.

Литература

Андреев А.П., Селиванов А.И. Западный индивидуализм и русская традиция // *Философия и общество*. 2001. № 4. С. 98–126.

Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Новый хронограф, 2016.

Дегтярев А.К., Щербак Л.И. Политическое поведение: интерпретация в социологическом воззрении М. Вебера и П. Бурдьё // *Социально-гуманитарные знания*. 2013. № 7. С. 63–69.

Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995. 254 с.

Кара-Мурза С.Г. Государственный патернализм – цивилизационное измерение // *Научный эксперт*. 2009. № 12. С. 16–25.

Кара-Мурза С.Г. Россия и Запад: парадигмы цивилизаций. М. : Акад. проект, 2013. С. 98–119.

Лубский А.В., Атоян Ш.М., Беспалова А.А., Вялых Н.А., Колесникова Е.Ю., Крупеникова Л.Ш., Лубский Р.А., Сериков А.В., Терещенко А.А., Чернобровкина Н.И. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2016. 392 с.

Лубский А.В., Беспалова А.А., Войтенко В.П., Вялых Н.А., Зайцева А.А., Колесникова Е.Ю., Крупеникова Л.Ш., Лубский Р.А., Сериков А.В., Чернобровкина Н.И. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России: монография / отв. ред. А.В. Лубский. М.: Социально-гуманитарные знания, 2017. 396 с.

Лубский А.В., Лубский Р.А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // *Гуманитарий Юга России*. 2013. № 3. С. 90–103.

Лубский Р.А. Государственность и патернализм в России // *Философия права*. 2012. № 6 (55). С. 19–21.

Оболонский А.В. Консервативный синдром в советском массовом сознании // *Общественные науки и современность*. 1991. № 3. С. 124.

References

Andreev, A.P., Selivanov, A.I. (2001). Western individualism and Russian tradition. *Filosofija i obshhestvo*, 4, 98-126. (in Russian).

Gorshkov, M.K. (2016). Russian society as it is (experience of sociological diagnostics): in 2 vol. 2nd ed. M.: Novyj hronograf.

Degtyarev, A.K., Shcherbakova, L.I. (2013). Political behavior: interpretation in the sociological view of M. Weber and P. Bourdieu. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, 7, 63-69. (in Russian).

Ilyin, V.V., Panarin, A.S., Badovsky, D.V. (1995). Political anthropology. M.: Publishing House of Moscow State University.

Kara-Murza, S.G. (2009). State paternalism – civilizational dimension. *Nauchnyj jekspert*, 12, 16-25. (in Russian).

Kara-Murza, S.G. (2013). Russia and the West: Paradigms of civilizations. M.: Akad. proekt, 98-119.

Lubsky, V.A., Atoyana, S.M., Bepalova, A.A., Vyalykh, N.A., Kolesnikova, E.Yu., Krupennikova, L.S., Lubskiy, R.A., Serikov, A.V., Tereshchenko, A.A., Chernobrovkina, N.I. (2016). Mental programs and models of social behavior in Russian society. Rostov-on-Don: Science and Education Foundation.

Lubsky, V.A., Bepalova, A.A., Voitenko V.P., Vyalykh, N.A., Zaytseva A.A., Kolesnikova, E.Yu., Krupennikova, L.S., Lubskiy, R.A., Serikov, Chernobrovkina (2017). Mental programs and modal models of social behavior the South of Russia. M.: Socio-humanitarian knowledge, 2017.

Lubsky, A.V., Lubsky, R.A. (2013). Etatism and paternalism as cultural markers of civilizational identity in Russia. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 3, 90-103. (in Russian).

Lubsky, R.A. (2012). Statehood and paternalism in Russia. *Filosofija prava*, 6 (55), 19-21. (in Russian).

Obolonsky, A.V. (1991). Conservative syndrome in the Soviet mass consciousness. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 3, 124. (in Russian).

Rancier, J. (2006). On the edge of the political. M.: Praxis, 190.

Toshchenko, J.T., Tsvetkova, G.A. (2006).

- Рансьер Ж.* На краю политического. М.: Праксис, 2006. С. 190.
- Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А.* Изменились ли проблемы местного самоуправления за последние 10 лет? // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 78–87.
- Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А.* Местное самоуправление: проблемы становления // Местное самоуправление. 1997. С. 109–119.
- Федулов А.М.* Консервативные ценности в социокультурной трансформации современного российского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2014.
- Хьел Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер, 2001.
- Шубарт В.* Европа и душа Востока. М., 2000. С. 45–76.
- Яременко С.Н.* Смыслы и стили жизни как маркеры идентичности человека. Ростов н/Д., 2008. С. 125–135.
- Arrow K.J.* Social Choice and Individual Values. Yale University Press, 1963. 124 p.
- Bourdieu P.* Le Sens pratique. Paris: Ed. de Minuit, 1980. 475 p.
- Downs A.* An Economic Theory of Political Action in a Democracy // The Journal of Political Economy. Chicago: The University of Chicago Press, 1957. P. 135–150.
- Fromm E.* The revision of psychoanalysis. Boulder etc.: Westview press, 1992. 149 p.
- Hofstede G.* Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. Unit 2. Theoretical and Methodological Issues. Subunit 1. Conceptual Issues in Psychology and Culture. Available at: <http://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1014&context>.
- North D.* Institutions, institutional change and economic performance. N.Y.: Cambridge University Press, 1990. 159 p.
- Ritzer G.* Contemporary Sociological Theory and Its Classical Roots: The Basics. Boston: McGraw-Hill, 2009.
- Skinner B.F.* Science and human behavior. N.Y.: Macmillan, 1953. 461 p.
- Skinner B.F.* Selection by consequences // Science. New Series. 1981. Vol. 213, № 4507. P. 501–504.
- Have the problems of local government changed over the past 10 years? *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 8, 78-87. (in Russian).
- Toshchenko, J.T., Tsvetkova, G.A.* (1997). Local self-government: problems of formation. *Mestnoe samoupravlenie*, 109-119. (in Russian).
- Fedulov, A.M.* (2014). Conservative values in the socio-cultural transformation of modern Russian society. (Candidate Dissertation, Moscow).
- Hjel, L., Ziegler, D.* (2001). Personality Theory. St. Petersburg: Piter.
- Shubart, V.* (2000). Europe and the soul of the East. M., 45-76.
- Yaremenko, S.N.* (2008). Meanings and lifestyles as markers of human identity. Rostov-on-Don, 125-135.
- Arrow, K.J.* (1963). Social Choice and Individual Values. Yale University Press.
- Bourdieu, P.* (1980). Le Sens pratique. Paris: Ed. de Minuit.
- Downs, A.* (1957). An Economic Theory of Political Action in a Democracy. In *The Journal of Political Economy*. Chicago: The University of Chicago Press, 135-150.
- Fromm, E.* (1992). The revision of psychoanalysis. Boulder etc.: Westview press.
- Hofstede, G.* (2011). Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. In *Online Readings in Psychology and Culture. Unit 2. Theoretical and Methodological Issues. Subunit 1. Conceptual Issues in Psychology and Culture*. Available at: <http://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1014&context>.
- North, D.* (1990). Institutions, institutional change and economic performance. N.Y.: Cambridge University Press.
- Ritzer, G.* (2009). Contemporary Sociological Theory and Its Classical Roots: The Basics. Boston: McGraw-Hill.
- Skinner, B.F.* (1953). Science and human behavior. N.Y.: Macmillan.
- Skinner, B.F.* (1981). Selection by consequences. In *Science. New Series*, 213, 4507, 501-504.

Поступила в редакцию

25 марта 2019 г.